

Прогуливаясь сентябрьским озорно-солнечным пандемическим утром, пенсионер Виталий Семёнович Лепендин нежданно-негаданно заметил впереди достаточно знакомое лицо. Да мало ли ему приходилось видеть таковые день ото дня? Однако особенность этого лица состояла в том, что оно явно было из далёкого социалистического прошлого Виталия Семёновича.

Итак, по Берёзовой аллее навстречу Лепендину подвигался его когдатошний однополчанин Володька Соловьёв. Полвека назад они были ещё тот тандем: рядовой Виталий Лепендин служил начальником библиотеки полка, Володька там же – полковым фотографом.

Не узнать его было невозможно и сейчас – по особенному Володькиному взгляду на окружающий мир: он всегда смотрел на тот снисходительно-вальяжно, словно бы поверх приспущенных очков, которых на нём на самом деле отродясь не было. Так обычно смотрят на публику завзятые рассказчики анекдотов и диссиденты. Володька был и тем и другим. Виталий Семёнович до сих пор радостно помнил выдающийся перл соловьёвского репертуара: зарубежный журналист берёт интервью у Генсека КПСС Леонида Ильича Брежнева и спрашивает по ходу разговора, какой иностранный писатель тому больше всех нравится. Генсек строго задумывается. Помощник из-за спины шепчет: «Хемингуэй...» – «Хэ-мин-гу-эй...» – прокашлявшись, отвечает Леонид Ильич. – «А какое произведение Хемингуэя вам особенно запомнилось?» Помощник и тут не оплошал: «По ком звонит колокол». Брежнев оживился, шевельнул густым чернобровьем: «Обком звонит в колокол!»

Виталий Семёнович этот анекдот впервые услышал от Володьки на учениях в Подмосковье. Когда они, солдатики, на опушке среди тамошних рослых елей, солидно растолстевших от январских снегов, собрались у большого, раскидистого костра на политическую информацию. Донести её до солдатских

масс Лепендину поручил взводный прапорщик Василий Криворучко – дядька солидного тогда для них сорокалетнего возраста: рослый, грузный и насмешливый, как полагается истинному украинцу.

В общем, взвод по поводу «по ком – обком» грохнул, всколыхнувшись, таким зычным гоготом, полным свежих армейских сил, что костёр, возле которого должна была состояться послеобеденная политинформация, надулся тугим огненным парусом.

Когда хохот иссяк, Виталий взял бразды в свои руки и более чем скучно доложил, что к 1980 году Советский Союз по объёмам промышленного производства и сельского хозяйства должен занять 1-е место в Европе и 2-е место в мире, уступая лишь США. И так далее и тому подобное. А завершил он политинформацию по настоянию прапорщика Криворучко широко известными тогда словами Леонида Ильича Брежнева – «Экономика должна быть экономной!».

Кстати, они эти слова генсека видели у себя в части каждый день по несколько раз. Цитата Брежнева «Экономика должна быть экономной» красовалась на масштабном плакате, украшавшем полковой плац, на котором бойцы регулярно отрабатывали строевой и парадный шаг.

Правда, Лепендин и Соловьёв никогда не били подошвами своих кирзовых сапог наждачный асфальт плаца: у них от подъёма и до отбоя было достаточно других дел – один с утра до вечера щёлкал фотоаппаратом то в части, то на офицерских свадьбах или пикниках, второй в полковой библиотеке с утра до вечера выдавал книги офицерам и солдатам, проводил литературные патриотические вечера, скажем, посвящённые отмеченным Ленинской премией выдающимся произведениям товарища Леонида Ильича Брежнева «Малая Земля», «Целина» и «Возрождение». Ко всему, в довесок к обязанностям начальника библиотеки Виталик был полковым почтальоном. Вечером относил в чемоданчике солдатские письма на почту для чтения их бдительными особистами, а потом после ужина в подвале библиотеки до вечерней поверки раздавал присланные бойцам из дому ароматные продуктовые посылки. При этом в его обязанности входило предварительно посылку вскрыть и убедиться насчёт отсутствия в ней запрещённых винно-водочных изделий. Все это не так просто, без помощника не управиться. По распоряжению Криворучко, помощником у него стал Володька Соловьёв.

Само собой, явившиеся за мамкиными подарками солдатики щедро делились с ними обеими гостинцами из дома: дефицитные конфеты «Чио-Чио-Сан», «Воронежские», «Песни Кольцова», копчёная и «Краковская» колбасы, апельсины-мандарины и прочие аппетитности, которые можно было добыть в СССР только по благу.

– Отныне переходим сугубо на духовную пищу... – однажды, забежав в библиотеку, заговорщицки объявил Володька и выложил на стол добытый им невесть как и невесть у кого «Раковый корпус» Солженицына, отпечатанный мелким шрифтом на тонкой, чуть ли не папиросной бумаге.

– Ты опупел?! – напрягся Виталик.

– Читай, политинформатор, может, ещё диссидентом станешь, как мой тёзка Буковский!.. – Володька тогда впервые вальяжно-насмешливо поглядел на друга как бы поверх припущенных очков.

Виталик читал Солженицына настроженно и почти ничего не понимал. Володька глотал страницу за страницей «Ракового корпуса», листая их горячечно, рывками. Иногда вдруг резко вставал и глухим нервным голосом вдохновенно цитировал: «Мы изголодались по свободе», «Угождение большинству означает: равнение на посредственность, равнение по низшему уровню, отсечение самых тонких высоких стеблей», «Говорят: целый народ нельзя подавлять без конца. Ложь! Можно! Мы же видим, как наш народ опустошился, одичал, и снизошло на него равнодушие уже не только к судьбам страны, уже не только к судьбе соседа, но даже к собственной судьбе и судьбе детей».

Именно эту цитату Володька Соловьёв потом чаще всего повторял всем тем, кого считал достойным её слышать. Он даже мог произнести её сквозь зубы, себе под нос, поглощая в столовой жаркий пунцовый солдатский борщ или матёрую дробь разваренной перловки с душистой говяжьей тушёной. Мог с трудом, с задыхом выдавить из себя эту кодовую фразу во время марш-броска в полном боевом снаряжении. Однажды Виталий со своего кроватного второго яруса слышал, как Соловьёв, лежавший внизу, произнёс её во сне. Очень даже отчётливо, будто со страницы прочитал.

Как бы там ни было, это чтение запрещённой литературы их ещё более сдружило. Володька даже придумал для себя говорить им при встрече вроде духовного кода известную фразу Александра Дубчека из лозунгов недавней Пражской весны – «Да здравствует социализм с человеческим лицом!». И ещё у них устроилось что-то вроде забавной игры по мотивам популярного тогда анекдота от па-

мятного «Армянского радио». Кто-то первым при встрече говорил: «Куда идёт Америка? К своему загниванию». Второй же в унисон отвечал: «А что делает СССР? Стремится её догнать и перегнать».

Именно тогда у Володьки и выработался, заматерел тот его «фирменный» печально-диссидентский взгляд на «советскую действительность». Сколько Виталий ни старался усвоить и себе эту манеру, ничего не получалось, кроме неловкой застенчивой улыбки.

В общем, хотя Лепендин и анекдоты политические рассказывал, и Солженицына читал, был в курсе, что объявленная в СССР двадцатилетняя программа построения коммунизма идёт ко дну, однако ни это, ни введённые недавно продуктовые карточки, отсутствие гласности и прочее никак не могли заставить его захотеть жить при свободном капитализме. Витальку со школы радовала мечта стать журналистом, пусть даже в заводской газете и с зарплатой в сто сорок рублей.

– Ты неизлечимый совок. И когда-нибудь настучишь на меня нашему особисту... – однажды за игрой в шахматы тихо заметил ему Володька.

– Ерунду не говори... – вздохнул Виталий. – Ты мой друг. Мне интересно с тобой. Я учусь у тебя понимать этот мир. Но у меня почему-то не получается понимать его так, как тебе хотелось бы.

– Декабристы разбудили Герцена, а я, может быть, в конце концов разбужу тебя... – хмыкнул Соловьёв.

В тот день, как нарочно, полковой особист несколько раз встретился Виталику и даже в библиотеку зашёл, кстати, в первый раз, и долго бродил вдоль книжных полок, выглядывая неизвестно что. Виталий почувствовал себя неуютно, более чем. Как-то он видел, что сам «батя» разговаривает с этим человеком другим голосом, точно простуженным, притихшим. Даже случайная встреча с особистом кому угодно могла испортить настроение. Да и как иначе, если этот майор, проходя мимо и безразлично глядя от тебя в сторону, всё равно производил впечатление человека, который каким-то загадочным образом бесцеремонно лезет тебе в душу и там пристально, оценивающе оглядывается. Но почему-то особенно не по себе становилось Виталию, когда особист улыбался ему. Хорошо так, почти сердечно улыбался, но при всём при том потаённо-покровительственно, с некоей загадочной хитринкой.

– Как ты думаешь, что предпримет наш особист, если я ему откроюсь, как в прошлом месяце в самоволке расклеивал ночью в самом центре Воронежа листовки?.. Против политики Брежнева и КПСС. С призывом бороться за социализм с человеческим лицом! – вдруг однажды с ленцой проговорил Володька, когда они с Виталиком вновь играли в шахматы. На этот раз в Ленинской комнате, окружённые портретами членов Политбюро. От таких слов Володьки массивный лакированный бюст Владимира Ильича будто бы чуть покачнулся, хотя Воронеж никогда не входил в зону землетрясений.

– Извини, листовки я изготовил под копирку на твоей библиотечной пишущей машинке... – вдруг весело добавил Володька. – Когда ты относил на почту мамкам и девкам письма от их пацанов. Только ты не дрейфь. Никому и в голову не придёт искать у тебя. И даже если мы с тобой как-нибудь ночью на плакате про экономную экономику напишем лозунг «Да здравствует социализм с человеческим лицом!», никакого шухера тоже не будет. Батя и наш улыбчивый особист сами от греха подальше этот факт наглого диссидентства поспешно скроют. Чтобы не утратить переходящее Красное знамя лучшего полка в СССР.

Володька дерзко-брезгливо, своим уже оформившимся вальяжным взглядом будто бы поверх припущенных очков испытующе посмотрел на Лепендина.

Лепендин мужественно улыбнулся. Ему было не по себе, но он смог.

Через месяц они демобилизовались.

Виталий устроился редактором многотиражки в секретный НИИ, о котором, тем не менее, весь город знал, что там проектируют ракетные двигатели, а Володька стал оператором на местном телевидении, а через несколько лет так и вовсе собкором Первого канала.

Лишь мимолётно они как-то увиделись. Уже через много лет. В демократической толкучке на митинге против строительства Воронежской атомной станции теплоснабжения. Лично Виталий Семёнович считал, что затея с ВАСТ дело хорошее, стоящее. Надоели от зимы к зиме едва тёплые батареи в квартире. Так что Лепендин на том митинге случайно оказался. Толпа его захлестнула и сотворила из него ещё одну свою элементарную частицу. Словно по чьей-то хорошо отработанной методике. Он даже почувствовал в себе нарастающую готовность протестовать вместе со всеми. А ещё минутой назад Виталий Семёнович вальяжно шёл на обед из своей Центральной городской библиотеки, в которой трудился в должности учёного секретаря, в знаменитое молодёжное кафе «Россиянка»

на проспекте Революции. Правда, непонятно, какой революции. Но уж точно не сексуальной. Кстати, потом, уже после гибели СССР, та модная «Россиянка» на западный манер переименовалась в «Ювенту», далее стала «Баскин Робинсом», а ныне она есть некое загадочное аббревиатурное KFC. Так вот, Виталий Семёнович тогда ещё уловил загадочный эффект толпы: любой протест, если его подкинуть в массы в нужную минуту, тотчас, как вирус, начинает в людях стремительно размножаться и набирать силу. И пусть ты в этой оголтелой толпе случайно оказался, у тебя вдруг тоже сами собой начинают шарик за ролики заскакивать – и ты тютелька в тютельку подстраиваешься к общему настроению, а то и надрывно перехлёстываешь его. Баста! Рубикон перейден. Или как там: коготок увяз, всей птичке пропасть?! Ты как одним целым с толпой становишься. Или с её вождём? Одним словом, восторженно забываешь про всё на свете и, «задрвав штаны», вприпрыжку спешишь за опьянённо-счастливыми, дерзко-восторженными протестантами.

Тогда по пути к месту митинга у кинотеатра «Пролетарий» в руках у Виталия Семёновича даже невесть каким образом оказался самодельный лозунг с наспех обструганной деревянной ручкой – «Демократы против ядерного произвола власти коммунак!». Рядом немолодая и очень нервная, но всё ещё красивая женщина в длинном светлом пальто и широкой алой фетровой шляпе гордо, самозабвенно несла плакат: «Воронежцы, демократы не пустят чернобыльский атом в ваши дома! Они думают о вас!!!»

То шагом, то трусдой, а иногда по чьей-то зычной команде так и вовсе бегом они добрались до «Пролетария», напротив которого бронзовый поэт Иван Саввич Никитин, болезненно мерцая на солнце зеленовато-голубыми бликами патины, сидел на постаменте с печально склонённой головой и отрешённо вперив горестно-задумчивый взгляд на поставленную кем-то возле него початую бутылку водки «Столичная».

Некий обильно розовощёкий юноша с филологическим романтизмом в женственно-синих глазах с трудом взобрался на постамент к бронзовому классику и тонким, сбившимся голосом восторженно прокричал знаменитые строки Ивана Саввича: «Уж и есть за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью, стать за честь твою против недруга, за тебя в нужде сложить голову!»

Каким-то двум суетливым демократам, бдительно окормлявшим митинг, не приглянулись эти националистические строки классика, и они резво стащили мальчика, кажется, надорвав ему одну брючину. Тем не менее парень ряды протестантов не покинул и, всё ещё тяжело дыша, выше всех поднял свой плакатик с коряво написанным лозунгом: «Мы готовы бороться за демократию в СССР до последней капли крови!»

Тут к этому пылающе раскрасневшемуся юноше вдруг подскочил невесть откуда объявившийся фотограф и, сделав профессиональную стойку, несколько раз щёлкнул своим навороченным японским аппаратом. Виталий Семёнович узнал Володьку. По его ироничному, вальяжно-печальному взгляду как бы поверх приспущенных очков.

Тем не менее Виталий Семёнович в тот раз почему-то не окликнул его. Возможно, демократический накал толпы полностью лишил его собственного «я». Ко всему, Володька был при исполнении своих, так сказать, обязанностей. И исполнял он их виртуозно, с акробатической гибкостью. Володька отщёлкал несколько нужных снимков под разными ракурсами и исчез. Выскользнул из толпы, словно раскрученный волчок.

С тех пор всякий раз Виталий Семёнович, когда видел репортажи Соловьёва в газетах или по телевизору, с гордостью говорил: «Это мой однополчанин! Далекое пойдёт!» И тот действительно пошёл далеко. Всё чаще на его маститых снимках стали появляться исключительно члены «семьи» Ельцина и сам Борис Николаевич.

Надо сказать, что Виталий Семёнович без каких-либо признаков зависти наблюдал за таким, можно сказать, звёздным восхождением армейского друга. Его же самого вполне устраивала собственная жизнь – спокойная, средняя, с умиротворённым семейным пространством и чётко прописанными служебными обязанностями учёного секретаря библиотеки. Более того, Виталию Семёновичу нравилось, что люди незаметно перестали ходить друг к другу в гости и рассказывать на кухне за бутылочкой политические анекдоты, а молодёжь понятия не имела, кто такие из себя диссиденты.

...Недоуменно остановившись возле Виталия Семёновича, Соловьёв, как и прежде, вальяжно, но уже с заметным отягощением, тяжело посмотрел на него сверху вниз могущественным фирменным взглядом.

Лепендин было протянул руки аккуратно обнять армейского друга, но тот, густо, запашисто прокуранный, неуклюже отпрянул.

– Никаких телячьих нежностей, старина... Пандемия на дворе. Но рад. Рад видеть тебя. Правда, ты что-то несколько сдал... Оно и понятно. В этой стране невозможно свободно дышать. Даже при капитализме.

Владимир Игоревич сосредоточенно вздохнул:

– Приходи завтра на площадь Ленина. У нас там митинг. Я партию создал – «Партия перемен». Надеюсь, Гудков нас поддержит. И Навальный, говорят, обещал помочь.

– Ты теперь за капитализм с человеческим лицом?.. – смутился Лепендин.

– Это вчерашний день... – брезгливо прищурился Соловьёв. – Сегодня нужны кардинальные меры. Россия должна исчезнуть с лица земли. Нет на земном шаре более агрессивной и опасной страны.

Владимир Игоревич строго, властно пригляделся к Лепендину:

– Не вдохновил я тебя? Прощай, господин обыватель. Прощай, немытая Россия!

Виталий Семёнович сдавленно вздохнул:

– Извини, старик.

Соловьёв сумрачно покивал и, наконец, словно навсегда потеряв интерес к Лепендину, многозначительно двинулся по пандемически безлюдной, сиротливой аллее.

На днях беззаботные, весёлые волонтеры принесли Виталию Семёновичу «передачу»: бесплатный пакет овсяной крупы, две банки тушёной фасоли, пачку зелёного чая, лимон и копчёные румяные куриные грудки вместе с изданной на плохой серой бумаге газетой без выходных данных – «Партия перемен». С одной единственной статьёй, исполненной тесным, плохо читаемым шрифтом: «Нынешняя власть как отработанный материал». Далее стоял некролог с низкого качества фотографией. И всё равно не узнать на ней Володьку было невозможно. Прежде всего, по его взгляду. Он смотрел перед собой так, словно и в Царствии Небесном с первых же минут был намерен подвергнуть критике тамошние порядки и взять курс на скорейшее проведение либеральных реформ на просторах Божьего мира.

Когда волонтеры убежали на другой этаж, Лепендин торопливо спустился в магазин. В спешке он забыл маску и перчатки. Охранники в форменных чёрных костюмах с воющими на луну волками никак не хотели его пускать в столь незащищённом виде, но когда он едва ли не со слезами объяснил, что «чекушка» нужна ему помянуть друга, они уважительно расступились. Даже как бы прикрыли его своими телами от возможных проверяющих, рыскающих в поисках лиц без средств индивидуальной защиты.